

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. В. Загладин (главный редактор),
А. В. Адо, З. С. Белоусова,
С. В. Оболенская (ответственный секретарь),
Ю. Н. Панков, И. И. Сиволап, В. П. Смирнов,
М. Н. Соколова, Г. С. Черткова,
Л. Н. Котова (секретарь редакции)

COMITÉ DE RÉDACTION

V. V. Zagladine (rédacteur en chef),
A. V. Ado, Z. S. Bielooussova,
S. V. Obolenskaia, J. N. Pankov, I. I. Sivolap,
V. P. Smirnov, M. N. Sokolova, H. S. Tchertkova,
L. N. Kotova (secrétaire de rédaction)

Французский ежегодник 1987
 М.: Наука. 1989

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

КОММУНИСТЫ И 200-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *

Ги Эрмье

Ближащаяся двухсотая годовщина Великой французской революции порождает острое столкновение идей. В ближайшие месяцы эта борьба должна еще более обостриться. Спор идет не только о том, чем явилась французская революция, каково ее место в национальной и мировой истории; он связан с основными политическими вопросами современности.

Ничего нового тут нет. Вот уже два столетия, как революция 1789 года является, по определению Мишеля Вовеля, «горячим вопросом». Во Франции по этому вопросу практически никогда не было «национального согласия» наподобие того, отчасти лицемерного и двусмысленного, какое существует в США в отношении Дня независимости.

Это и неудивительно: французская революция, опрокинувшая устои феодально-аристократического общества, в значительной мере характеризуется размахом народного движения. Жорес в «Социалистической истории французской революции» отмечает, что в отличие от всех прочих буржуазно-демократических революций она не была узкобуржуазной, а была в полной мере народной и демократической. Именно поэтому идеи Великой французской революции, заложившей основы политической демократии и современной нации, выразившей идеалы прогресса и освобождения народов, поистине воплотившей в себе «время предвосхищения», по выражению Эрнеста Лабрусса, могли быть использованы в дальнейшей борьбе против господствующих классов теми, кто делал революцию — крестьянами, «санкюлотами», рабочими, — тогда как ее плодами воспользовались другие. В течение прошедшего столетия эта борьба в значительной степени сливалась с борьбой за упрочение республиканского строя.

С новой силой она развернулась на рубеже XIX и XX вв. В это время буржуазия уже стремилась представить французскую революцию как простой эпизод в истории страны, однако противостоящее ей рабочее и революционное движение вынашивало идею, что лишь новая революция способна возродить созидательную веру в общество, целью которого является «всеобщее счастье».

* Предлагаемая вниманию читателя статья взята из газеты «Юманите» от 9 апреля 1987 г. Публикуется с сокращениями.

На всем своем пути — от Парижской Коммуны, предвестницы нового общества, через споры между Гедом и Жоресом, дискуссии вокруг победы Октябрьской революции к Народному фронту, а затем Сопrotивлению и освобождению — рабочее движение постоянно обращалось к идеям и формам 1789 года (с течением времени все более отвергавшимся французской буржуазией), стремясь их освоить, но в то же время и преодолеть в своем революционном движении присущие им противоречия.

Ведущую роль в этом вопросе сыграла Французская коммунистическая партия. В 30-х годах, во время мобилизации всех своих сил на борьбу за Народный фронт, против поднимающего голову фашизма, она начала широкий процесс критического переосмысления национальной истории и революционного прошлого Франции, придав тем самым своей революционной деятельности поистине общенациональный размах.

В русле этого нового направления и произошло подлинное «знакомство» молодой ФКП с революцией 1789 года. В 1939 году, в период тяжелых политических и социальных битв нашего народа, в эпоху поражения Испанской республики и наступления фашизма, наша партия широко отмечала 150-летие французской революции. 15 июня 1939 г. на стадионе Буффало перед шестидесятитысячной аудиторией Морис Торез восславил «титаническое дело 1789—1793 гг., ненавистное Гитлеру и его наемникам на нашей земле», как озаглавила свой отчет об этом событии газета «Юманите». В этом празднике почерпнуло силы целое поколение участников Сопrotивления.

Таким образом, современная Франция со всеми ее особенностями сформировалась в течение последних двух веков. Она родилась в ходе грандиозной и безусловно народной революции и была отмечена громовым раскатом Парижской Коммуны. Сто лет назад она приняла великие республиканские законы, а еще через пятьдесят лет обогатилась завоеваниями Народного фронта. Это Франция Сопrotивления и освобождения, борьбы против колониальных войн, когда справедливое негодование нации обрушилось на крайне правые силы, когда рабочее движение достигло активности, невиданной для большинства развитых капиталистических стран.

Силы капитала стремятся дестабилизировать именно эту Францию, угрожая самой ее сущности. Сложившееся положение было проанализировано на последних заседаниях ЦК ФКП: правые силы, желая сохранить свои преимущества в условиях кризиса системы, произвели глубокие изменения в структуре французского общества. Правящий класс и различные политические формирования объединяют усилия для наступления на социальные и демократические права, с тем чтобы уничтожить исторические завоевания нашего народа, принести интересы нации в жертву европейской и атлантической интеграции. Жорж Марше на заседании Национального совета отмечал, что эти политические изменения сочетаются с изменениями идеологическими, с «широкой

кампанией... по утверждению норм и ценностей, узаконивающих капиталистические пути преодоления кризиса».

В этих условиях традиционный спор о революции 1789 года, не прекращающийся вот уже два столетия, приобретает особую остроту, а само празднование ее двухсотлетней годовщины оказывается в центре политической и идеологической борьбы.

Сторонники политического консерватизма и реакции начали издавать. Уже многие месяцы реакционные идеологи наподобие Луи Пауэлса из «Фигаро Магазин» и советников Ширака, Пьера Шоню и Ива Дюрана, или такие центры правой пропаганды, как пресловутый «Клуб де л'орлож», ведут настоящую кампанию клеветы против французской революции.

Что же они говорят? Для Пьера Шоню десятилетие 1789—1799 было «самым мрачным в нашей истории», «неслыханным упадком». Он же заявляет: «Мы не располагаем письменным распоряжением Гитлера относительно еврейского геноцида, но мы располагаем подобными документами, подписанными Баррером и Карно в отношении Вандеи. И я плюю всякий раз, как прохожу мимо лица Карно». Отсюда рукой подать до утверждения Клода Лефора: «В терроре времен французской революции мы видим зачатки современного террора». Масла в огонь подливает «Фигаро»: «Первый Гулаг был изобретен террористами 1793—1794 гг.». Эта небольшая подборка цитат в достаточной мере характеризует новые убеждения крайне правых: французская революция явилась периодом национального упадка, прообразом всех тоталитарных систем, Гулага, терроризма — словом, абсолютным злом. Развернутая в многочисленных трудах, подхваченная средствами массовой информации и печати (такими, как «Фигаро магазин», «Пуэн», но также и «Эвенеман дю жёди», «Нувель обсерватор»), эта шумная кампания злоупотребляет искусственно поддерживаемым неведением масс относительно сущности французской революции. Ее цель — отбросить назад демократическое сознание и дискредитировать прогресс, уходящий корнями в нашу историю, подорвать само стремление к изменению общественного порядка, к истинной современной демократии. Нападение на наследие прошлого — это оружие реакции в борьбе с силами прогресса.

Несомненно, подобные попытки поставить французскую революцию в положение обвиняемого будут продолжаться и в ближайшем будущем. Они, однако, представляют собой лишь составную часть другой, более гибкой, а главное — более приспособленной к современной политической ситуации кампании: речь идет о стремлении использовать 200-летний юбилей для поисков «национального согласия по вопросу французской революции». В интервью газете «Фигаро» Эдгар Фор так изложил свои мысли по этому поводу: «В период столетней годовщины революции 1789 года в общественном мнении Франции еще существовал значительный антагонизм в отношении к ней. В настоящее время, я полагаю, мы можем достигнуть национального согласия во взглядах на события 1789 года и на Декларацию прав человека».

В интервью газете «Монд», рассказывая о встрече с президентом республики, Эдгар Фор уточнил понятие национального соглашения: «Г-н Миттеран, как мне показалось, был особенно озабочен тем, чтобы избежать бессмысленной полемики: следовало или не следовало делать революцию (и я с ним совершенно согласен). Настало время извлекать уроки. Одним из таких уроков должно стать великое национальное примирение. Необходимо, чтобы потомки вандейцев и потомки тех, кто сражался при Вальми, поняли наконец, что и те, и другие были самоотверженными людьми, носителями высших национальных и человеческих ценностей. Настало время соединения, примирения (в почти религиозном смысле слова), пора наконец покончить с противостоянием правых и левых сил, разделившим Францию на два как бы непроницаемых блока».

Процитированное выше позволяет нам уже сейчас догадываться, какие два направления получат наибольшее развитие в ходе празднования 200-летия революции.

Прежде всего будут стремиться придать празднованию чисто «юбилейный» характер. Для чего постараются одинаково откритизовать от тех, кого выводит из себя само слово «террор» (вроде Шоню), с одной стороны, и с другой — от коммунистов, представленных в виде этаких якобинцев сталинистского образца. Неприятие крайностей первых послужит предлогом для замалчивания огромной работы, проделанной историками-марксистами по изучению французской революции. Подобную «ловкость рук» весьма успешно демонстрирует Макс Галло, беря под свою защиту Робеспьера перед лицом новоявленных мюскаденов. Таким образом, результаты 1789 года благословляются отдельно от народного движения, и осуждается 1793 год независимо от своего идейного содержания. Доброе «либеральное» зерно отделяют от народных плевел в надежде лишить революционный процесс присущих ему сложности и оригинальности. Так создается успокаивающий, удобный для всех образ французской революции, не способной послужить нежелательным примером.

Этого направления придерживаются многие правые партии, а также социалисты. Последние долгое время повторяли любимые идеи Франсуа Фюре и наконец решительно отошли от наследия Жореса. Однако создание соответствующего образа не препятствует определенному распределению ролей. «Эвенеман дю жёди» в специальном выпуске, посвященном французской революции, распределяет места в Конвенте 1793 года между современными политическими деятелями. Все коммунистические руководители зачислены в бабуисты, Жоспен или Мександо выступает в роли Робеспьера, Ленъель — Марата, Мермаз — Колло д'Эрбуа, Шевенман — Карно, Жокс — Сен-Жюста! Сталкиваясь с подобным «прочтением» французской революции по законам современной политической возни, — не веришь своим глазам.

Помимо создания стерилизованного образа революции, по-прежнему будут предприниматься попытки поставить под сомне-

ние саму идею революции, коренных общественных перемен как явления противоестественного, опасного и в конечном счете бессмысленного.

Все эти идеи уже сейчас активно пропагандируются, идет подготовка в политическом и идеологическом планах, что видно по ускоренному появлению новых книг, по тому месту, которое уделяют двухсотлетию журналы, по тому, как готовятся радио и телевидение.

Не стоит в стороне и правительство, которое планирует ряд мероприятий в соответствии с главными событиями 1789 года: 5 мая — собрание Генеральных штатов, 20 июня — клятва в Зале для игры в мяч, 14 июля — взятие Бастилии, 4 августа — отмена привилегий, 26 августа — Декларация прав человека и гражданина. Официальный календарь выдает стремление свести празднование двухсотлетия революции к одному только 1789 году. Все политические силы — от правых до социалистов — готовятся к предстоящему событию.

* * *

Итак, значение 200-летнего юбилея французской революции чрезвычайно велико. Крупная буржуазия рассчитывает воспользоваться им для осуществления своих политических проектов. Ее цель — изменение исторической памяти нашего народа об этом важнейшем событии, борьба с революционными и прогрессивными идеями, уничтожение французской самобытности и самого стремления к социальным преобразованиям.

Чтобы противостоять этому нажиму, коммунистическая партия должна активно участвовать в борьбе идей, развернувшейся в связи с 200-летием революции. Мы решительно вступаем в эту борьбу, вооруженные новым политическим проектом. Мы предполагаем отпраздновать двухсотую годовщину 1789 года в наступательном духе. У нас есть все основания для оптимизма.

В народном сознании существует хотя и нечеткая, но глубокая привязанность к французской революции. В коллективной памяти нашего народа 1789 год воплощает веру в будущее, питает стремление к справедливости и свободе. Коммунистическая партия немало сделала, чтобы воспитать это отношение к революционному наследию. И только коммунистическая партия вместе с миллионами сторонников прогресса по-настоящему способны принять наследие революции, чтобы шагнуть с ним в будущее.

Каково же должно быть направление нашей политической и идеологической борьбы?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы сделать предварительное замечание о необходимости способствовать пониманию того, чем была французская революция в действительности. Манипуляция общественным мнением в этой, как, впрочем, и в других областях, возможна лишь вследствие непросвещенности миллионов людей, которым вот уже тридцать лет школа не дает сколько-

нибудь основательных знаний о революции 1789 года. Со временем становится яснее, почему Франсуа Миттеран и Жак Ширак отказались в 1983 г. от проведения в Париже выставки и почему ни правое, ни социалистическое правительства практически ничего не сделали, чтобы важнейший момент нашей истории приобрел большую глубину и выразительность как в учебных программах, так и в повседневном сознании.

Нам предстоит проделать большую работу как в политическом плане, так и путем непосредственного воздействия на органы государственной власти, министерство просвещения и средства массовой информации, для того чтобы помочь народу, особенно молодежи, понять такое сложное явление, как революционный процесс 1789 г. и роль его выдающихся участников.

Мы принимаем революцию во всей ее противоречивой сложности и решительно отказываемся отбирать из революционного наследия только то, что нас более устраивает, или «перечитывать» ее в соответствии с сиюминутными политическими интересами. Оставим эти политиканские выверты профессиональным фальсификаторам.

В революции нас интересует ее всемирно прозвучавшее утверждение права народа самому строить свое будущее; в революции нас трогает ее стремление предвосхитить развитие общества и человека (эта знаменитая фраза Сен-Жюста: «Счастье — это новая идея в Европе»); мы поражаемся драматической сложности и суровости выбора, перед которым нередко стояли участники революции.

Поэтому мы хотим говорить как о неподкупном Робеспьере, так и о Бабефе, который, по словам Маркса, высказал идеи, выходящие далеко за пределы старого порядка вещей; о Сен-Жюсте — воплощенной верности революции, и друге народа Марате; о Дантоне, выразившем в 1792 г. великий народный подъем в момент, когда родина была в опасности; о Сийесе, который в 1789 г. увидел в единстве третьего сословия единство суверенного народа; и даже о Барнаве, историческую проницательность которого в понимании антифеодального характера революции показал впоследствии Жорес.

В борьбе, которую мы ведем, нам часто приходится защищать от клеветы память Робеспьера, Сен-Жюста, Марата, Кутона, Бабефа, аббата Грегуара, всех тех якобинцев и «санкюлотов», которые спасли революцию и чьих правые деятели и реакционные историки стремятся или оболгать, или предать забвению. Многие еще предстоит сделать, чтобы помочь открыть, понять, полюбить этот революционный порыв нашего народа и людей, которые были его беззаветными участниками.

Я перехожу к основным направлениям в той идейной борьбе, которую нам предстоит вести в ближайшее время.

Прежде всего, необходимо сказать, что французская революция явилась этапом на пути развития общества и личности как во Франции, так и за ее пределами.

В 1891 г., отвечая на нападки со стороны клерикальных и монархических правых сил, Жорж Клемансо произнес знаменитую фразу: «Революция — это монолит». Это было в то время, когда правящая буржуазия еще испытывала потребность защищать республиканскую форму правления, обеспечившую ей доминирующее положение. Последующие исторические исследования с очевидностью доказали, что революция не монолит, а противоречивый процесс, изобилующий возможностями, скачками, порывами, опережающими свое время, а также поворотами вспять, частичными отступлениями. Мы не избегаем вопросов, обоснованно возникающих в связи с методами, применявшимися в период, получивший название «Террор». Мы осознаем классовую ограниченность, проявившуюся в ходе народных выступлений 1789, 1793 или 1796 г., когда была уничтожена партия друзей Бабефа. Мы понимаем противоречивость революционного наследия, над которым много размышляли теоретики марксизма.

Однако в условиях современной идеологической борьбы сталкиваясь с попытками дискредитации французской революции, мы должны взять на вооружение мысль Жоржа Лефевра, высказанную им в книге «Восемьдесят девятый год»: «Революция не разлагается на составные части. В этом смысле Клемансо был прав: революция — это монолит. Моралист превозносит героизм и осуждает жестокость, но он не объясняет событий».

Таким образом, вполне осознанно и ничего не преуменьшая, мы должны защищать революцию конца XVIII в. за то, чем она была в действительности:

— Периодом прогрессивных преобразований, носителем таких плодотворных идей, как право на труд, на образование, на лечение и обеспечение больных, стариков и инвалидов, как мысль Бабефа об общности имущества или идея разделения труда в производственном коллективе, развивавшаяся Социальным кружком в 1790—1791 гг.

— Движением, породившим политическую демократию и создавшим нацию. Конечно, Франция началась не с французской революции, у нее долгая история, история труда и борьбы нашего народа, однако политическая демократия и французская нация созданы революцией.

— Великим народным движением, основанным не на ненависти и насилии, как это пытаются представить, а солидарным со всеми несчастными и угнетенными, поразительным примером того, что история движется лишь объединенными усилиями народа.

— Наконец, славным этапом всемирной истории, наглядно показавшим, каким могучим рычагом прогресса может быть стремление к свободе. Независимое и мощное народное движение ввело в оборот идеи, десятилетиями существовавшие лишь в виде чаяний. Этот пример не пропал даром для других стран и народов.

Именно такое понимание революции мы и будем защищать от всех ее новоявленных хулителей и неверных почитателей.

В то же время 200-летие революции дает нам возможность показать, что сегодняшняя борьба, идущая в совершенно иных условиях, ведется все за те же великие идеалы.

Это прежде всего равенство и справедливость. Для возникающей нации эти понятия сыграли роль заправки. Десятилетия борьбы рабочего и революционного движения увенчались великими социальными завоеваниями, отличающими Францию от других стран. Современное состояние науки и техники, происходящие перемены открывают невиданные возможности для расцвета равенства и справедливости. Теперь они не просто нравственная потребность, а залог экономической эффективности, условие дальнейшего развития. Но мир капитала отвергает этот путь во имя финансовой выгоды. Его вполне устраивает многоступенчатое общество, в котором неустойчивость, индивидуализм и отчаяние преобладают над равенством, солидарностью и счастьем. Воскрешаются старые идеи «естественного неравенства» для оправдания системы, обогащающей одних капиталистов. Не подлежит сомнению, что за равенство и справедливость еще предстоит бороться.

Принципы прав человека также были провозглашены перед всем миром еще Декларацией прав человека и гражданина в 1789 г. и Конституцией 1793 года. В течение двух веков наш народ упорно боролся за завоевание демократических свобод. И в наше время стремление к участию в принятии решений, к самоуправлению ощущается в любом общественном движении. Новые средства информации необыкновенно увеличили возможности людей самим разбираться в происходящем и принимать решения, от которых зависит их судьба. Однако, желая сохранить и упрочить свое господство, силы капитала пытаются ограничить завоеванные трудящимися права и свободы, контролировать информацию, использовать ее средства для оказания давления на культуру, усиливают тенденции авторитарности. Таким образом, мы видим, что идея свободы не утратила своей актуальности.

Если говорить о политической демократии, то во Франции она порождена революцией и сразу же поставила в центр своих интересов проблему развития общества. С тех пор все классовые бои непременно затрагивали в той или иной степени проблему общественного устройства и его целей. Именно это важнейшее свойство французской политической демократии стремятся уничтожить деятели правых сил и социалистической партии. Для чего под прикрытием идей сосуществования, сменяемости или поисков нового способа политического объединения выдвигаются предложения о глубокой перестройке политической жизни страны при полном отказе от пути социальных перемен. Важнейшим требованием времени является необходимость развить принцип народного суверенитета, унаследованный от французской революции, в новые демократические формы самоуправления.

Пойдет ли речь о нации? Ее единство скреплено французской революцией, в ходе которой патриотическое сознание рождалось в двойном огне: защиты революции от внутренних врагов и нации

от иностранной агрессии. Этот дух народной борьбы не иссякал и в последующие времена. В настоящий момент европейские и атлантические устремления капитала ставят под угрозу само существование особой французской индивидуальности. Для нас неприемлем отказ от национальной сплоченности, так как он подорвет движущие силы страны, приведет ее к упадку, лишит Францию возможности внести свой особенный вклад в решение мировых проблем. На Франции лежит большая ответственность — добиться всеобщего и повсеместного соблюдения независимости и суверенитета народов, без чего ни о каком подлинном и плодотворном сотрудничестве не может быть и речи.

Наконец, мир. Французская революция одновременно объявила о предоставлении права убежища «иностранцам, изгнанным с родины за дело свободы» и провозгласила, что «французский народ является естественным другом и союзником всех свободных народов». Идеи мира и свободы были слиты с ней воедино. В наше время, когда впервые в истории угроза нависла над жизнью сразу всего человечества, Франция с ее традициями должна быть в первом ряду стран и народов, поставивших перед собой жизненно важную задачу — вступить в 2000-й год без ядерного оружия.

Таким образом, в праздновании 200-летия революции 1789 года мы не намерены ограничиться защитой ее исторической сущности от клеветников всех мастей, мы поднимаем все великие вопросы, которые она в свое время поставила и которые, как я уже говорил, являются важнейшими вопросами современности, хотя и в совершенно новых условиях.

В сущности, мы намерены праздновать юбилей 1789 года не потому, что революция была выдающимся периодом нашей истории, счастливым для одних, несчастным для других, ставшим теперь исторической датой, а потому, что это был грандиозный пример того, сколько нового, плодотворного и великого может внести революция в историю народа.

Французская революция не была случайностью, это была историческая необходимость, порожденная непреодолимой потребностью покончить с изжившим себя феодальным строем. Она возникла в тот исторический момент, когда существование в рамках старых социальных норм и правил становится невозможным, когда все попытки приспособить существующую систему к новым условиям только ухудшают положение, когда сама жизнь требует изменить правила игры, законы распределения благ и власти, сами основы существующего положения вещей. Сила французской революции — в мощи народного движения, породившего ее, вынуждавшего все время искать новые решения и вести страну по новому, демократическому и республиканскому пути. Острота классовых битв вызвала к жизни такие идеи и программы, содержание и внутренняя логика которых (коммунизм бабувистов, например) далеко опережали время с его реальными возможностями.

Мы живем в эпоху грандиозных исторических преобразований. Кризис нашего общества вызван не вопросами, которые настойчиво

ставит время, а теми ответами на них, которые предлагает капитал.

Наилучшим выходом является поэтому уничтожение существующего порядка или, вернее, «непорядка» вещей и всеобщий принцип экономической выгоды ради свободного развития науки и техники, нового состояния производительных сил, иных социальных отношений, ведущих к освобождению труда, всеобщему благосостоянию, преобразованию всей жизни. Одним словом, путь, который мы предлагаем, исходя из глубокого и всестороннего анализа существующего кризиса, а также положения во Франции и в мире, ведет через демократию к социалистическому самоуправлению, к социализму по-французски.

Поэтому мы решительно не согласны с мнением Э. Фора (высказанном им в упомянутом интервью газете «Фигаро»), что современное французское общество — это «открытое общество» и в «революционном скачке» нет больше необходимости. Мы также совершенно не согласны с мнением Жака Жюйара, утверждающего в книге «Винуват Руссо», что мы присутствуем при завершении революционного цикла, начавшегося в 1789 г., что какие-либо новые преобразования невозможны и опасны, что капитализм вечен.

Будущее, однако, не может быть столь беспросветно мрачным. Напротив, наше время как никогда богато возможностями перемен, прогресса и развития личности. Все ведет к новому типу развития, к новым общественным и межличностным отношениям, к новому международному экономическому порядку.

На этом перекрестке истории в данный момент решающее значение приобретает борьба, немедленно и неустанно ведущаяся по всем направлениям, ибо в современных условиях во Франции и в мире необходимый революционный скачок не может быть чем-то вроде повторения штурма Зимнего дворца, одним всеразрушительным «моментом»; напротив, это должен быть «процесс», совершающийся в течение целого исторического периода, и он в наше время может и должен произойти мирным путем. Кризис требует глубоких и безотлагательных преобразований в общественном устройстве Франции, создание социализма по-французски становится насущной необходимостью.

Это под силу только народному движению, без которого нет прогресса и, в некотором смысле, нет истории. Только путем развертывания народной борьбы можно покончить с покорностью и оказать сопротивление правительственной политике, привлечь к делу преобразования свежие силы и изменить соотношение общественных и политических сил в его пользу, а затем добиваться все новых и новых демократических завоеваний, до тех пор пока решающие перемены не станут неизбежными.

Вот о чем мы будем говорить и что будем разъяснять в ходе празднования 200-летия, с тем чтобы оно подвигло наш народ взять, как два века тому назад, историю в свои руки и повести ее по пути новой французской революции.

* * *

Изложенные выше задачи определяют деятельность партии по подготовке к празднованию 200-летия революции.

Нами выпущена самая крупная из существующих во Франции серия трудов по французской революции: Библиотека 200-летия французской революции в издательстве «Эдисон сосьяль», включающая серию «Классик дю пёплэ» и работы Альбера Матеза, Жоржа Лефевра, Альбера Собуля; переиздание «Социалистической истории французской революции» Жана Жореса и поистине монументальное издание, появившееся в издательстве «Мессидор»: «Иллюстрированная история французской революции» Мишеля Вовеля. Наша задача — суметь полностью воспользоваться этим богатством.

Партия призывает создавать в департаментах и коммунах широкие ассоциации для празднования 200-летия революции, она объявила также о создании Национальной ассоциации.

В национальном масштабе мы планируем:

- в соответствии с решением редакции посвятить французской революции праздник «Юманите» 1988 г. Это будет первое общенациональное мероприятие, посвященное 200-летию революции;

- провести в октябре 1988 г. крупное мероприятие в знак нашего вступления в празднование 200-летия революции;

- с октября 1988 по весну 1989 г. организовать в Париже и в провинциях шесть или семь мероприятий, посвященных главным темам 200-летия революции.

- назначить на конец весны 1989 г. массовое выступление партии, о форме и характере которого говорить пока рано.

- осенью 1989 г. пройдут последние мероприятия, связанные с 200-летием французской революции. Наши выступления в этот период: праздник «Юманите» 1989 г., ряд мероприятий местного значения и, возможно, для подведения общих итогов — обсуждение вопроса, что значит быть революционером сегодня.

Важно привлечь к участию в мероприятиях ФКП как можно больше граждан. Мы стремимся к объединению всех сил — трудящихся, интеллигенции, молодежи, — готовых противостоять стремлению господствующего класса лишить наш народ исторической памяти и возможности сделать новый шаг в будущее.